

С известным болгарским поэтом, литературоведом, переводчиком, бардом Владимиром Стояновым (род. 11.10.1959) судьба свела меня случайно. Владимир издал в Болгарии несколько лет тому назад двуязычную книгу русского поэта Олега Чухно “На шаг от эшафота”, издание пришло ко мне через московского критика Инну Ивановну Ростовцеву. Я передал свой восторг автору перевода за его смелость и талант, – так завязались наши творческие отношения.

Осенью 2019 года юбилей известного болгарского автора отмечался в Болгарии и Москве, где Владимир дал несколько концертов, исполняя песни на свои стихи и других авторов на русском и болгарском языках. Не так давно вышла в свет книга поэта «Благовестието на думите» – в русском переводе “Благовещение слов” с иллюстрациями – фотографиями символических фигур, выполненных скульптором Христо Христовым. Сборник отмечен поиском автором и своеобразием, многие стихотворения посвящены буквам болгарского алфавита, где печатные литеры образуют символические буквы.

Хочется сказать о качестве, которое, на мой взгляд, вносит главный вклад в своеобразие многогранного дара Владимира

Стоянова. Это его личный индивидуальный мистицизм, обращение к миру, словно к тайне, которую далеко не всегда можно разгадать, но можно прикоснуться к ней, благодаря искусству. Такое качество, совмещавшее национальную болгарскую культуру и почти запредельный взгляд в потустороннее, сполна проявлялось и в личном общении, и в совместной работе над нашими с ним книгами.

В Болгарии были изданы наши книги стихотворений во взаимных переводах, Владимира Стоянова “Глоток жизни” и моя “Сиреневая гроза”, с оформлением художника Александра Телалима и вложенными дисками с записями своих песен на наши стихи. Консультировал издание болгарский переводчик и бард Христо Граматиков, автор известной песни “Чёрный песок”. Переводческая работа болгарского автора была отмечена дипломом Всероссийской премии имени И.Ф. Анненского. Думаю, что мои стихи привлекли поэта и его коллегу – профессора Христо Бонджолова, написавшего послесловие к моему сборнику, – своей установкой на проявление неизведенного. Эти мысли были сформулированы мной в концепции литературно-философского направления вневизм, получившего в Болгарии живой отклик, например, от известного писателя-фантаста Янчо Чолакова и переводчицы Наталии Димитровой. Вневизм буквально означает взгляд извне в мир ради рождения нового измерения жизни. Это понятие перекликается с темой “потусторонности” Владимира Набокова.

Следующим нашим проектом было издание в Болгарии книги стихотворений русско-американского классика. Мне довелось выступить автором предисловия, составителем и консультантом издания, которое также дополнено песнями на стихи Владимира Набокова в исполнении Владимира Стоянова. Будучи в гостях в Санкт-Петербурге, Владимир с женой Стелой посетили набоковскую конференцию и родовой дом Рукавишниковых – Набоковых на Оредежи. Впечатления были столь яркими, – признался мне поэт, – что он с головой ушёл в непростую и объёмную работу, которая вознаградилась сторицей. За перевод русских стихов Набокова на болгарский Владимир – Владко, как называют

его близкие, – получил признание Французского набоковского общества: издание было отмечено европейской премией.

Вспоминаю радушие принимавших меня болгар в старинном курортном городе Варне и советском Бургасе на побережье Чёрного моря. И, конечно, встречу с классиком болгарской поэзии Гергием Константиновым, произведения которого мне также довелось переводить наряду со стихами Ивана Кьосева, Христо Ганова, Елены Алековой, Марии Филиповой-Хаджи и других поэтов. Поднимались и вопросы о русско-болгарской дружбе и поэтическом диалоге в непростое для Болгарии время вхождения в Евросоюз. С Христо Граматиковым мы побывали во многих местах побережья, на раскопках древнего болгарского царства, в бывших городах – крепостях Созополе и Несебре, в болгарском Стоунхендже – Беглик-Таш. В доме Владимира Стоянова – скромной квартире на первом этаже дома советской постройки – также чувствовалась мистическая атмосфера. Помню, Владимиру принесли расписную болгарскую рубаху, где каждый знак орнамента имел отношение к его роду. Такова культурная Болгария, чтящая свои традиции и обращающаяся к России, как и во все прежние времена. На набережной в тени деревьев меня удивили скульптуры, почти все посвящённые поэтам и деятелям болгарской культуры. Очень правильная традиция, которую неплохо бы перенять и нам.

Диалог Владимира Стоянова и русской музыки продолжается: он первым в Болгарии перевёл и издал избранные стихи Варлама Шаламова „Лиловый мёд. Стихи Варлама Шаламова“, а также стихи и песни иеромонаха Романа. Многие российские поэты, благодаря нашему болгарскому другу, приобрели известность у болгарских читателей и знатоков поэзии. Представляя переводы стихов Владимира Стоянова, вижу перед глазами неширокие улицы с малоэтажными домами, крытыми черепицей. Вспоминаю встречи с друзьями поэта, литературоведом Ваней Колевой и художником и педагогом Радко Мурзовым, подарившим мне изображение своего коллажа “Кровавый путь”. Да, именно такая сложная и драматичная стезя объединяет наши два народа и даёт надежду на взаимообогащающее продолжение творческого и человеческого диалога. Владимир Стоянов и его вестник знает этот путь единения двух культур.

Санкт-Петербург

Стихи Владимира Стоянова
в переводе Алексея Филимонова

* * *

Как лис, за виноградом кислым не стремился.
Не захотел сладчайшего безвременья других.
Но в суть вещей проникнуть я учился
И чувством прошлого сегодня всё прошить.
Но явно перепутал мудрость
С ответом долгожданным на вопросы.
Я ощущаю неудобство как росу,
И красоту я ощущаю жизни.
И вижу – улыбаются отцы
Мирам и нерождённым, и мистичным.

* * *

Против дождя спешу к себе,
Он шепчет мне слова любви.
Срок отбываю по судьбе,
По приговору на крови.

Молитвой раны залечу
От новой глупости своей.
Пусть целой жизнью заплачу,
Сухим не выйду из дождей.

Мы пишем музыку для нас, –
С дождём сливаясь на песке.
Забуду день, и год, и час,
И больше не скажу уже.

В крови **смирение**, в словах,
В перенимаемых манерах,
Увоенных с начала до конца.

Ты словно зажигаешь свет в истоке,
по шею мир покоится во мраке,
тоскует Бог – большой и одинокий.

Не научил ли нас Он говорить всезримо,
С молчанием святым, с улыбкой?
В смирении – кремень гордыни,

Что зажигает наши искры.
Так светлячок горит впотьмах
И глас божественный в пустыне.

* * *

Квартальная корчма с потёртой дверью,
С ползущею потливой пятернёй.
Напротив – тени на стене, смятеньем
Пред жизнью переполнены иной.
Случайных ламп дрожат в тумане звенья,
Им холодно в доспехах жестяных,
И слабый свет их дерзновенья
Похож на истомлённый крик.

Переворачиваясь, я ищу спасенья, –
Реальностью развоплощая сны,
Не слышен мысли, жаждущей доверья,
Чтобы обнять меня средь тишины.
И словно здесь, но, сам себе не веря,
Перед **часами мрака** восстаю,
Испуганный я оборотень зренья –
Оскалился на пустоту свою.